

Ссылка для цитирования этой статьи:

Баранова Н.В., Катаев В.А. Вынужденная цифровизация и рождаемость: обзор дискуссий и статистики // Human Progress. 2022. Том 8, Вып. 3. С. 1. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_3/Baranova.pdf, свободный. DOI 10.34709/IM.183.1. EDN UQWEIA.

УДК 331+314

ВЫНУЖДЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ И РОЖДАЕМОСТЬ: ОБЗОР ДИСКУССИЙ И СТАТИСТИКИ

Баранова Наталья Владимировна
магистр Управления персоналом
ФБГОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»

baranova_usue@mail.ru
65/45, ул. 8 Марта/Народной Воли,
г. Екатеринбург, Россия, 620144
+7 (902) 254-27-30

Катаев Владислав Александрович
Аспирант
ФБГОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»

kataevkataev10@yandex.ru
62/45, ул. 8 Марта/Народной Воли,
г. Екатеринбург, Россия, 620144
+7 (902) 254-27-30

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению влияния пандемии COVID-19, вызвавшей стремительное развитие дистанционной занятости на основе цифровизации трудовых действий, на семейно-родительское благополучие и рождаемость. Постановка исследовательской проблемы определяет новизну исследования в связи с малоизученностью предмета рассмотрения. Цель настоящей работы заключается в обобщении дискуссий, исследований и статистики влияния дистанционной занятости на семейно-родительское благополучие и рождаемость. Авторами выполнен обзор российских и зарубежных источников о влиянии цифровизации занятости в пандемию на статистику рождаемости и брачности. Наблюдается снижение роли и статуса института семьи как ценностно-ориентированной сферы; ключевой мотивацией при создании семьи становится не демографический аспект, а социально-психологический. Вынужденная дистанционная и гибридная занятость остаются неоднозначными факторами влияния на отношения внутри семей, следовательно, необходимо более глубокое их изучение. Выводом исследования

является заключение, что преодоление негативных демографических трендов лежит в плоскости создания условий для формирования родительского благополучия. Обосновано, что понятие родительского благополучия нуждается в уточнении его содержательной части, кроме того, важно определить концепцию и методологию его измерения и мониторинга.

Ключевые слова: цифровая занятость; дистанционная занятость; семейно-родительское благополучие; рождаемость; институт семьи и брака; пандемия COVID-19; гибридная занятость.

JEL коды: J49; J13.

Введение

Одним из главных трендов современного общества является цифровая трансформация бизнес-процессов, переход на новый формат цифровых трудовых отношений, появление онлайн платформ, ранее не имеющих аналогов. Цифровая трансформация влечет за собой изменения во всех сферах экономики, в том числе на рынке труда. На государственном уровне разрабатываются дорожные карты и программы по развитию цифровой экономики в России. В докладе экспертов Центра подготовки руководителей цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС говорится, что цифровая трансформация, в отличие от цифровизации, предполагает не только совершенствование бизнес-процессов (сокращение временных, финансовых издержек и пр.), но и, в первую очередь, формирование новых цифровых платформ и цифровых бизнес-процессов, аналогов которым ранее не было [1]. Так на рынке труда формируются новые форматы взаимоотношений между работниками и работодателями, активно внедряются цифровые трудовые платформы по обмену данными и результатами труда. Возникает потребность в цифровых решениях и онлайн доступе к рабочим вопросам из любой точки мира, необходимо формирование новых цифровых компетенций у сотрудников. Все это влечет за собой появление нестандартных, гибких форм занятости.

Развитие нестандартных форм занятости стремительно активизировалось в период пандемии COVID-19, актуальность обсуждения ее последствий не потеряла значимость, многие аспекты требуют дополнительного изучения. Большинство научных работ посвящено изучению социально-экономических последствий пандемии в целом. Практически все исследователи и HR-практики сходятся во мнении, что изоляция, вводимые ограничения по проведению общественных мероприятий и т.д. серьезнейшим образом обострили эмоционально-психологические проблемы. Институт семьи и брака почувствовал на себе сильнейшее давление внешних негативных условий. Отметим, что вопросы семейно-родительского благополучия недостаточно изучены, хотя именно в этой плоскости лежат

причины низкой рождаемости, «демографической ямы», устаревания традиционной ценности брака, риски появления и снижения экономической устойчивости страны в целом.

Ряд экспертов ожидал рост рождаемости в период самоизоляции, поскольку партнеры были вынуждены находиться ежедневно в тесном контакте друг с другом. Однако удаленная работа супругов, онлайн обучение детей вызвали трудности с организацией домашних рабочих мест, с уединением и наличием личного пространства. Экономическая нестабильность и рост безработицы оказали влияние на бюджеты семей. Совокупность этих и многих других факторов по-разному повлияла на психологическое и эмоциональное состояние каждого члена семьи. В связи с наличием негативных последствий пандемии на семейные отношения несомненно актуальным является изучение влияния пандемии на рождаемость.

Цель настоящей работы заключается в обобщении дискуссий, исследований и статистики влияния дистанционной занятости на семейно-родительское благополучие и рождаемость. По авторской гипотезе вынужденный переход на цифровой дистанционный формат работы существенно отражается на семейно-родительских отношениях, что опосредованно сказывается на репродуктивном поведении и уровне рождаемости. Влияние может быть разнонаправленным, в зависимости от уровня принятия и адаптации к дистанционному формату работы.

Задачи исследования выполнялись методами кабинетного исследования: обобщение и систематизация текстовой информации; стандартные методы социально-экономического анализа (описательная статистика занятости, рождаемости, брачности и разводимости).

1. Итоги цифровизации занятости в пандемию

2021 г. стал пиковым периодом по внедрению цифровой занятости. В период пандемии и самоизоляции значительная часть компаний перевели своих сотрудников на удаленный формат работы. Для большинства работников это был первый опыт работы из дома. Несмотря на новизну формата работы, сотрудники успешно приспособились, а дистанционная работа получила правовую поддержку в ТК РФ в 2020г. (глава 49.1).

В соответствии со ст. 312.1 ТК РФ, дистанционная (удаленная) работа предполагает выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне стационарного рабочего места и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по

вопросам, связанным с ее выполнением, используются информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет»¹.

В статье выделяется три вида дистанционной работы:

- постоянная (действует в течение всего периода заключенного трудового договора);
- временная непрерывная (непрерывная удаленная работа, продолжительностью не более 6 месяцев);
- временная периодическая (чередование дистанционной работы и работы из офиса на постоянной основе).

В период самоизоляции преобладали постоянная и временная формы занятости. С течением времени и ослабеванием карантинных мер работодатели все чаще стали переводить сотрудников на периодическую удаленную работу, что получило неофициальное название – гибридная занятость.

При гибридной занятости сотрудник либо самостоятельно, либо с учетом мнения работодателя, принимает решение о периодичности посещения стационарного рабочего места и удаленной работы. Формат подобного совмещения позволяет решать ряд психологических проблем, связанных с отсутствием живого общения и ощущением причастности к коллективу. Однако по-прежнему возникают сложности с недостаточной технической оснащенностью рабочих мест удаленных работников и низким уровнем освоения цифровых навыков.

Согласно данным исследования А. В. Демьяновой, Россия находится на 32 месте по уровню владения цифровыми навыками среди рассмотренных 34 стран. В том числе, 22% респондентов россиян не использовали Интернет в течение трех последних месяцев. Каждый четвертый респондент оценивает свои навыки на базовом уровне, а 40% респондентов склоняются к оценке «низкий уровень» владения [2].

По разным оценкам, в среднем, с последствиями перехода на удаленный режим работы столкнулось 2/3 населения России. По официальным данным, 13% перешли на удаленный режим работы, каждый третий относился к категории профессионалов и 17,8% руководителей. Сокращение занятости и доходов в большей степени коснулось работников торговли и рабочих, специфика труда которых не позволяет использовать дистанционный формат. Для сохранения работы на удаленной основе в среднем 10% россиян освоили новые навыки, среди них большая часть руководители и профессионалы – согласно данным исследования МГИМО МИД России и ФНИСЦ РАН, таблица 1 [3].

---

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/adca37e8038a44ab5499c589bf6205dce6af12d6/ (дата обращения 23.06.22)

Табл. 1: Статистика перевода на удаленный режим работы и освоения новых навыков, %²

	Руководители	Профессионалы	Полупрофессионалы и клерки	Рядовые работники торговли	Рабочие	В целом по работающим
Перешли на удаленный режим работы	17,8	28,8	13,1	5,8	4,5	13,4
Освоили новые навыки работы в удаленном режиме	14,8	18,9	6,4	7,1	5,4	10,0

На текущий момент, по данным РАНХиГС, полностью или частично дистанционно работает 26% сотрудников, в то время как до пандемии это показатель составлял 17% [3]. TelecomDaily в мае 2020 года провел опрос, по его результатам 40% респондентов хотели бы продолжить работу в дистанционном формате, вернуться к стандартной занятости предпочла бы треть опрошенных. Кроме того, все чаще работники проявляют интерес к гибридной занятости. Опрос, проведенный онлайн-сервисом для менеджеров «Битрикс24», в котором участвовали 964 российских компаний, показал рост популярности гибридной формы трудовой занятости. Две трети респондентов (66%) считают, что совмещенная работа положительно влияет на эффективность предприятия, и является удобным форматом, относительно полностью удаленной [4]. В России, согласно опросам, на данный момент около 45% сотрудников уже работают в гибридном режиме, при этом соотношение рабочего времени в офисе и дома составляет 25% и 75% соответственно [4].

Одним из самых популярных вопросов, обсуждаемых в научных кругах, остается тема баланса личной жизни и работы в условиях удаленной работы. С одной стороны, сотрудник может самостоятельно планировать свое рабочее время, с другой стороны – появляется необходимость быть онлайн по рабочим вопросам 24/7. Все это ведет к «выгоранию» сотрудника [3]. Кроме того, для комфортной работы из дома требуется соответствующее техническое оснащение – производительные ПК или ноутбук, принтер, профессиональные программы, стабильное Интернет соединение и пр. По данным исследований, в качестве причин низкой продуктивности удаленной работы около 20% респондентов отмечают отсутствие необходимой офисной техники и медленный Интернет [3].

Позитивные стороны удаленной занятости связаны с гибкостью установления режима и графика выполнения работы, его темпа, экономией времени на дорогу до работы и домой. Последнее позитивно сказывается на семейно-родительских отношениях, поскольку

² Составлено авторами по: [3].

высвобождаемое время можно перераспределить в пользу общения с семьей, друзьями, отдыха. Экономятся финансы на питание и одежду для работы [3].

Одним из преимуществ гибридной занятости при сравнении с постоянной удаленной работой является возможность смены обстановки, наличие личного пространства и времени, возможность сменить круг общения. Данные факторы, вероятно, благотворно повлияют на институт семьи, т.к. исследования показывают рост конфликтов между партнерами, постоянно находящимися в одном помещении.

Поскольку на текущий момент наблюдается тенденция перехода на гибридную занятость (каждый второй сотрудник), то сложно предположить, какое влияние она окажет на семейно-родительское благополучие в будущем. Данная тема подлежит дальнейшему более глубокому исследованию.

2. Влияние вынужденной цифровизации на рождаемость и семейно-родительское благополучие

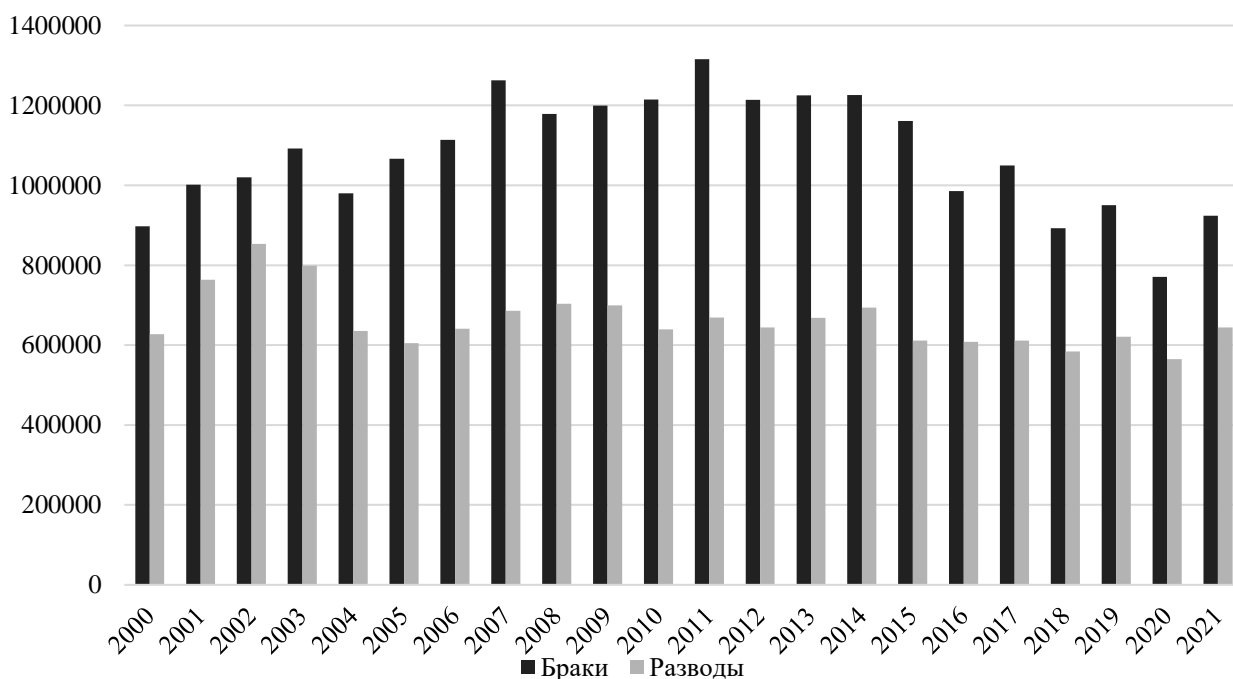
Локдаун застал людей в разных ситуациях: часть людей провела самоизоляцию в одиночестве, часть – со своими семьями. Постоянное пребывание в изолированном помещении и ежедневный тесный контакт с домочадцами привел к неоднозначным последствиям. Совокупность всех факторов, связанных с пандемией, самоизоляцией, удаленной работой безусловно оказала влияние на институт семьи и брака.

Часть экспертов прогнозировала рост разводов в России, обуславливая это ожидаемым ростом конфликтов в семьях в условиях изоляции и совмещением нескольких социальных ролей. В большей степени конфронтация социальных ролей ожидалась у женщин, так как они совмещают роли жены, матери и работника.

Обратимся к данным Федеральной службы государственной статистики о количестве браков и разводов в России за период с 2000 по 2021 гг. (рисунок 1).

За последние 15 лет количество разводов колеблется на уровне 600 000 заявлений в год (среднее значение разводов за 2000-2021 гг. составляет 662 000). В 2020 г. в период пандемии произошло незначительное снижение уровня разводов на 9%, показатель опустился ниже среднего и составил 564 704. Наименьшее количество обращений зафиксировано в апреле-мае 2020 г., что связано с приостановкой работы ЗАГСов в период локдауна. После возобновления работы ЗАГС и принятия заявлений онлайн произошел незначительный подъем уровня активности по разводам в сентябре 2020 г. Однако большая часть «отложенных разводов» была отмечена в конце 2021 г.; количество разводов за этот год увеличилось на 15% по отношению к 2020 г.

Рис. 1: Количество разводов и браков за 2000 – 2021 гг., ед.³

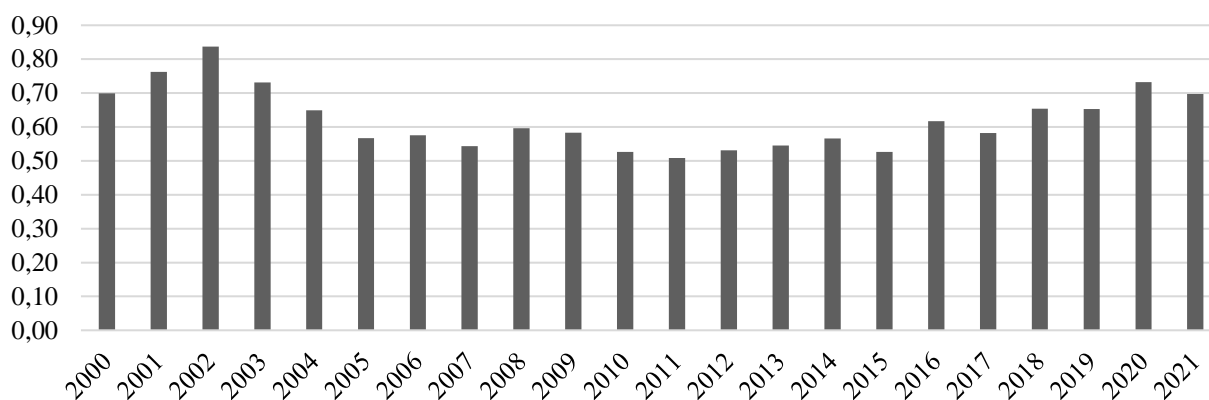
Анализируя данные вступления в брак, можно отметить отрицательную динамику – тенденция снижения количества браков от года к году (рисунок 1). Такая тенденция может быть обусловлена рядом причин. С одной стороны, большая доля граждан не узаконивают свои отношения и являются сожителями, с другой стороны, наблюдается рост популярности заключения брачных контрактов.

Соотношение количества разводов с количеством браков имеет тенденцию роста, начиная с 2011 г. наблюдается рост от 0,5 до 0,7 разводов на один брак (рисунок 2). Кроме того, в 2020 г. показатель достиг наибольшего значения за последние 17 лет, и приблизился к уровню двухтысячных годов – период экономического кризиса.

В целом, в России в постпандемический период наблюдается отрицательная динамика браков и разводов. Количество браков сократилось, а соотношение количества разводов к количеству браков достигло отметки экономического кризиса двухтысячных годов. В других странах пандемия оказала как негативное, так и положительное влияние.

³ Составлено авторами по: Федеральная служба государственной статистики. Браки и разводы: [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.05.2022).

Рис. 2: Соотношение количества разводов к количеству браков за 2000-2021 гг.⁴

В Дании в 2020 г. было проведено исследование Питером Фалленсенем – директором по исследованиям Фонда Rockwool в Копенгагене, профессором социологии Шведского института социальных исследований Стокгольмского университета. В пандемическом 2020 г. был самый низкий уровень подачи заявлений о разводе и раздельном проживании за последние пять лет в расчете на количество супружеских пар, то есть пандемия COVID-19 частично способствовала сохранению браков (N=1000 супружеских пар) [5].

Пенни Даум, содиректор Национального центра исследований семьи и брака при Государственном университете Боулинг-Грин, обнаружила свидетельства снижения числа разводов в Соединенных Штатах, в стране с более высоким общим уровнем разводов и браков, чем в Дании. С другой стороны, по статистическим данным Италии зафиксировано увеличение количества заявлений о разводе на 60% в 2020 г. по сравнению с 2019 г. [6].

По данным компании Bloomberg, специализирующейся на заказах по поставке финансовой информации участникам рынка, в марте в Китае статистика зафиксировала серьезный рост разводов после выхода из режима локдауна, в некоторых городах количество разводов было рекордным, в государственных учреждениях были очереди для оформления документов [3].

Таким образом, за рубежом сложно отследить единую закономерность последствий пандемии. Часть стран столкнулись с ростом разводов, например, Италия и Китай, а часть стран зафиксировали снижение числа разводов – Дания и часть Соединенных Штатов.

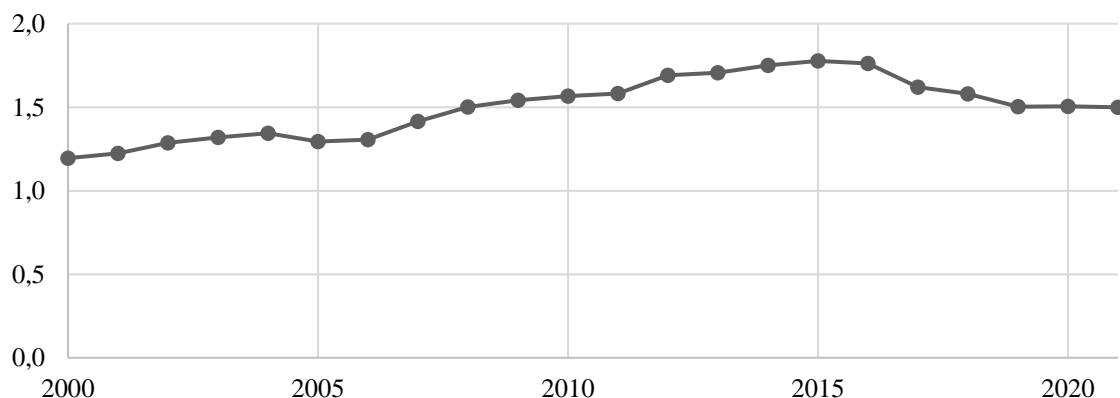
Предположительно, показатели вступления в брак и разводы частично влияют на рождаемость населения. Находясь в стабильных семейных отношениях пары чаще принимают решение родить ребенка. Локдаун и меры самоизоляции также оказали влияние на готовность

⁴ Составлено авторами по: данные Федеральной службы государственной статистики. Браки и разводы: [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.05.2022).

пар стать родителями. Для оценки уровня рождаемости применяется суммарный коэффициент рождаемости (далее по тексту СКР) – он показывает сколько в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (т.е. от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель [7]. По официальным данным Росстат, СКР на 1 женщину последние три года составляет 1,5 (рисунок 3). В 2015 г. был достигнут максимум за последние 20 лет, когда показатель составил 1,8, после чего начал снижаться до 1,5. Аналогичные данные представлены в монографии К.Левашова, описавшего результаты научных исследований, выполненных сотрудниками ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН в 2021 г. [8].

Рис. 3: Динамика суммарного коэффициента рождаемости на одну женщину с 2000 до 2021 гг.⁵

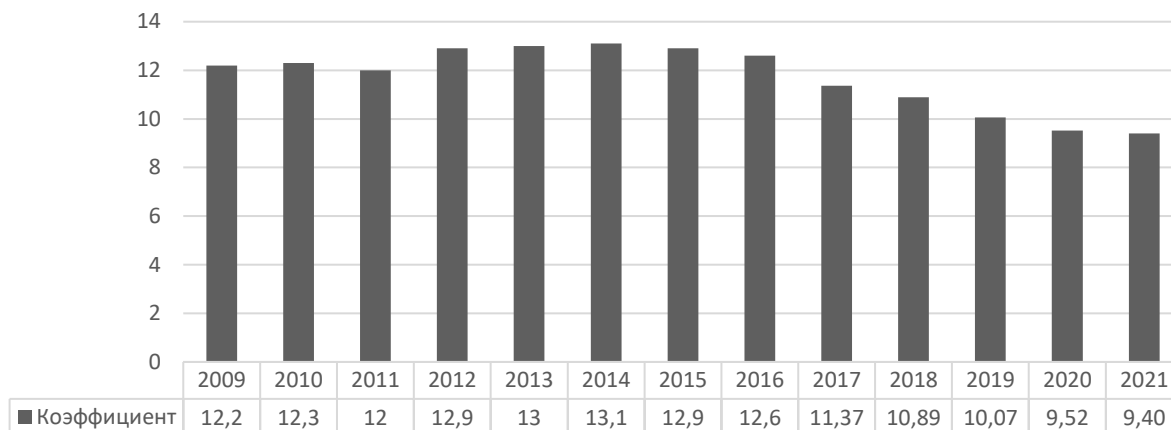

На текущий момент, средний показатель по миру СКР составляет 2,57. В России для сохранения численность населения в долгосрочной перспективе на постоянном уровне (без миграции) данный показатель должен составить приблизительно 2,1 ребёнка на одну женщину. Соответственно, на 2021 г. российский уровень СКР значительно ниже среднего показателя по миру и минимального уровня, требующегося для сохранения плановой численности населения.

В совокупности с СКР также рассматривают показатель, характеризующий число зарегистрированных родившихся на 1000 человек населения. Данный показатель учитывает все население страны. На рисунке 4 видно, что в России он имеет отрицательную тенденцию, снижение наблюдается с 2014 г., от 13,1 до 9,4 детей на 1000 человек в 2021 г.

⁵ Составлено авторами по: Федеральная служба государственной статистики. Демография: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.05.2022).

Рис. 4: Число зарегистрированных родившихся на 1000 чел. населения (накопленным итогом)⁶

Таким образом, в России за последние три года показатель рождаемости находится на достаточно низкой отметке 1,5 рожденных ребенка на одну женщину, что ниже среднего уровня по миру на 42% (по миру показатель 2,57). Численность родившихся на 1000 человек прямо пропорциональна динамике общей численности, так начиная с 2017г. наблюдается снижение численности населения России и снижение количества рожденных на 1000 человек населения.

Кроме тенденции снижения рождаемости отмечается увеличение возраста женщины при рождении первого ребенка. Согласно результатам опроса К. Левашова [8], лишь каждая третья женщина в возрасте от 17 до 29 лет считает важным рождение ребенка, в то время как в категории 30-39 лет важность увеличивается и 56% женщин склоняются к готовности родить ребенка. Следует отметить, что каждая четвертая женщина в возрасте от 40 до 50 оценивает важность рождения ребенка на самом высоком уровне. В выводах исследования говорится о трансформации мотивации создания семьи в России, если в традиционной системе ценностей основным мотивом был репродуктивный аспект, связанный с рождением и воспитанием детей, в современной парадигме приоритетным мотивом становится социально-психологический аспект, связанный с желанием быть рядом с родным и любимым человеком, не быть одиноким [8].

Как отмечает в своей статье Н.Е. Русанова (д.э.н., доцент ИСЭПН РАН, Москва), семьи отложили планы касаясь беременности до окончания карантина. Н.Е. Русанова предполагает, что своевременные и эффективные меры пренатальной демографической политики позволят избежать глубокой «демографической ямы» за счет реализации отложенных рождений после окончания пандемии [9].

⁶ Составлено авторами по: Федеральная служба государственной статистики. Демография: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.05.2022).

Данный прогноз ожидается не только в России, но и за рубежом, где также наблюдается снижение рождаемости, связанное с нестабильностью и безработицей. Так, директор Центра региональных исследований ИПЭИ РАНХиГС К.И. Казенин в докладе «Мониторинг экономической ситуации в России» приводит результаты опроса, проведенного в марте-апреле 2020 года. Интересное исследование по поводу планов о рождении детей организовано институтом Guiseppe Tonniolo в Италии и международной исследовательской группой IPSOS. Было проведено телефонное интервьюирование (N=2000 в Италии; N= 1000 в Великобритании, Франции, Германии и Испании; всего N=6000) [10]. Результаты представлены в таблице 2.

Табл. 2: Структура ответов на вопрос об изменении планов рождения детей в 2020 году. Респонденты – люди, у которых были такие планы в начале 2020 года, %⁷

	Италия	Германия	Франция	Испания	Великобритания
По-прежнему планируют родить ребенка в 2020 г.	25,5	30,7	32,0	21,1	23,0
Решили отложить рождение ребенка	37,9	55,1	50,7	48,5	57,7
Решили отказаться от рождения ребенка	36,5	14,2	17,3	29,2	19,1

Как видно из таблицы 2, большая часть опрошенных отложила или отказалась от рождения ребенка в период пандемии. Каждый второй отложил рождение ребенка, в то время как каждый третий в Германии и Франции планирует заводить детей.

Американская статистика за последние 10 лет фиксировала дифференциацию официального уровня заключения браков. В более бедных слоях официальные браки заключались в меньшей степени, зато был выше уровень внебрачной рождаемости. В кризисный период внебрачная рождаемость стала сокращаться [11].

Частыми причинами отложенной беременности являются нестабильность в мире, безработица, снижение дохода, риск влияния болезни молодой матери COVID-19 на ребенка. Для поддержки матерей правительство проводит ряд мероприятий, меняя трудовое законодательство. Так, в 2021 г. в Португалии новое правило отдельно защищает родителей маленьких детей. Теперь они имеют право работать из дома, не договариваясь об этом заранее со своими работодателями до тех пор, пока их ребенку не исполнится 8 лет [12].

Интересный факт, результаты опроса женщин по поводу их представлений о дистанционной работе в добровольной режиме до пандемии, в 2018 г., и в 2019 г. (N=1950; N=601) показывал преимущественно положительные семейно-родительские эффекты для женщин. Женщины проявили высокую заинтересованность в дистанционной занятости, часть

⁷ Составлено авторами по: [10].

респондентов отмечала, что возможность работать дома, дистанционно мотивировала бы их к рождению ребенка (еще одного ребенка) [13].

На текущий момент трудно оценить взаимосвязь между пандемией COVID-19 и изменениями в институте семьи и брака, так как связь не является прямой и влияние оказывает ряд независимых факторов. Недостаточное количество исследований в России не позволяет отследить четкие корреляции с рождаемостью, количеством браков и разводов. Однако, на основании текущих статистических данных Росстат и результатов зарубежных исследований, можно предварительно предположить негативное влияние вынужденной изоляции на готовность пар вступать в брак и планировать рождение ребенка. Добровольный выбор дистанционной формы занятости может привести к обратным эффектам.

Заключение

В начале объявления локдауна и введения режима самоизоляции некоторые эксперты-демографы ожидали последующий рост рождаемости. Однако по данным ряда проведенных исследований, появилась тенденция откладывания рождения ребенка на длительный срок. Часть стран столкнулась с ростом разводов (Италия, Китай), в то время как в Дании и Соединенных Штатах, наоборот, зафиксировано снижение числа разводов. В связи с экономической нестабильностью, усилившейся безработицей и рисками последствий перенесенной болезни COVID-19 каждая вторая семья отложила или отказалась от рождения ребенка.

В период пандемии в России усилилась тенденция к снижению официальных браков, по мнению экспертов одним из сопутствующих факторов является снижение роли и статуса института семьи как ценностно-ориентированной сферы, чаще отмечается замена духовных ценностей на «суррогаты» договорных отношений [14]. Трансформация в системе мотивов создания семьи в России носит характер замены репродуктивных мотивов социально-психологическими. Увеличился возраст женщин при рождении первого ребенка. До 30-ти лет женщины считают мало важным планирование рождения ребенка, в то время как с 30 до 40 лет каждая вторая женщины стремится завести семью и ребенка [3].

Таким образом, в России на новом витке актуализированы задачи совершенствования инструментов работы с институтом семьи и брака. Одним из значимых и перспективных направлений для улучшения демографической ситуации является изучение и управление параметрами родительского благополучия в России, методология его оценки пока не разработана. Требуется разработка мероприятий по повышению значимости брачных официальных отношений, смещению сроков рождения первого ребенка на более ранний

период (ориентировочно, 27-30 лет), а также повышение культурной и педагогической грамотности населения.

Исследование показало неоднозначность влияния вынужденной цифровизации занятости на семейное благополучие и рождаемость. Показателен факт, что с течением ослабления карантинных мер начала набирать популярность гибридная занятость – сочетание удаленной и стационарной работы. То есть, вынуждено поработав дистанционно, значительная часть готова уже добровольно работать с использованием дистанционного формата. По результатам исследований, на данный момент около 45% сотрудников уже работают в гибридном режиме. Такой формат предпочтительнее полностью удаленной работы, появляется возможность смены обстановки, наличие личного пространства и времени, возможность сменить круг общения. Можно предположить, что именно гибкий режим сочетания стационарного и дистанционного формата может оказать положительное влияние на институт родительства.

Проблемной зоной остается низкий уровень развитости цифровых компетенций в России. Требуется дополнительное обучение навыкам работы на цифровом рынке труда, доля которого растет с каждым годом. По результатам исследований отмечается недостаточная техническая оснащенность рабочих мест при работе из дома. В рамках развития цифровой экономики актуальны исследования цифрового рынка труда и цифровой занятости. На текущий момент данные термины не отражены в положениях государственных программ по развитию цифровой экономики, однако их изучение набирает популярность в научных кругах. Описывая цифровой рынок труда, исследователи отмечают его ключевую особенность – отношения работника и работодателя строятся на дистанционной (удаленной) основе [15]. В то же время цифровая занятость может в себя включать как удаленную работу, так и работу, в процессе которой используются цифровые технологии и ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) [16]. Согласимся с мнением А.В. Демьяновой, заместителя директора Центра статистики труда и заработной платы ВШЭ, которая подчеркивает необходимость формирования критериев оценки влияния цифровизации на занятость [2].

Таким образом, для позитивного улучшения демографической ситуации в России необходима «уверенность в завтрашнем дне». Со стороны государства требуются активные меры в рамках семейной и социально-демографической государственной политики, направленной на достижение родительского благополучия и учитывающей интересы семьи. Тема родительского благополучия во взаимосвязи с цифровизацией занятости является перспективной для дальнейшей разработки.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-18-00614 «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие»

Литература

1. Потапова, Е. Г. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить. М.: РАНХиГС. 2021. 184 с.
2. Демьянова, А.В. Статистическое измерение влияния цифровизации экономики на занятость. Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12943/document/120346> (дата обращения: 25.05.2022).
3. Торкунов, А.В.; Рязанцев С.В.; Левашов, В.К. и др. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2021. 248 с.
4. Хойна, М.Н. Гибридная модель рабочего пространства как эффективная форма занятости в период цифровой экономики / Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20 сентября 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ. 2021. С.: 310-313.
5. Fallesen, P. Decline in Rate of Divorce and Separation Filings in Denmark in 2020 Compared with Previous Years // Socius Sociological Research for a Dynamic World. 2021. DOI:10.1177/23780231211009991.
6. Тараданов, А.А. Социально-экономические основы управления процессами семейного благополучия // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. Том 8. № 1. С.: 107-117.
7. Естественное движение населения, методология. Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mdemo2.htm> (дата обращения 20.05.2022).
8. Левашов, В.К. и др. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году. М.: ФНИСЦ РАН. 2021. 558 с.
9. Русанова, Н.Е. Рождаемость после пандемии: «бэби-бум» или «демографическая яма?» // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2020. № 4. С.: 151-159.

10. Казенин, К.И. Влияние пандемии на рождаемость в России: некоторые предпосылки для прогноза // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 19 (121). Июль. С. 4-12.
11. Schneider, D.; Hastings, O.P. Nonmarital Fertility in the United States: Evidence From the Great Recession // *Demography*. 2015. No. 52 (6). P.: 1893–1915. DOI:10.1007/s13524-015-0437-7.
12. Португалия признала незаконными звонки сотрудникам в нерабочее время [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/company/gms/blog/588114/> (дата обращения: 01.05.2022).
13. Тонких, Н.В. Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // *Народонаселение*. 2021. Том 24. № 3. С.: 92-104. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.8>.
14. Ковалева, А.В. Институт семьи в современном российском обществе // *Социология*. 2021. № 2. С.: 41-44.
15. Кудбиев, Ш. Цифровая экономика как новый этап глобализации рынка труда // *International scientific review*. 2020. № LXVII.
16. Цуканова, О.М.; Токарева, С.В.; Чернышева, А.А. Основные подходы к исследованию проблем цифровой занятости населения // *Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия*. 2022. С.: 301-305.

FORCED DIGITALIZATION AND FERTILITY: OVERVIEW OF DISCUSSIONS AND STATISTICS

Natalia Baranova

Master student of Personnel Management in Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russia

Vladislav Kataev

Graduate student in Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russia

Abstract. This article is devoted to studying the COVID-19 pandemic impact, which caused the rapid development of remote employment based on the labor activities digitalization, on family and parental well-being and fertility. The research problem formulation determines the novelty of the study due to the lack of subject matter knowledge. The purpose of this paper is to summarize discussions, studies and statistics on the remote employment impact on family and parental well-

being and fertility. The authors reviewed Russian and foreign sources on the employment digitalization impact on fertility and marriage statistics during the pandemic. There is a decrease in the family institution's role and status as a value-oriented sphere; the key motivation for creating a family is not the demographic aspect, but the socio-psychological one. Forced remote and hybrid employment remain ambiguous factors influencing relationships within families; therefore, a deeper study is needed. We concluded that overcoming negative demographic trends lies in the plane of creating conditions for the parental well-being. It is substantiated that the parental well-being concept needs to be clarified in its content, in addition, it is important to determine the concept and methodology for its measurement and monitoring.

Keywords: digital employment; remote employment; family and parental well-being; fertility; family and marriage institution; COVID-19 pandemic; hybrid employment.

JEL codes: J49; J13.

References

1. Potapova, E.G. (2021) Digital transformation strategy: write to execute. Moscow: RANEPА. 184 p.
2. Demyanova, A.V. Statistical measurement of the impact of digitalization of the economy on employment. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12943/document/120346>.
3. Torkunov, A.V.; Ryazantsev S.V.; Levashov, V.K. (2021) COVID-19 Pandemic: Challenges, Consequences, Countermeasures. Moscow: Aspect Press Publishing House. 248 p.
4. Khoyna, M.N. 2021. Hybrid model of workspace as an effective form of employment in the period of the digital economy / Social reality of virtual space: materials of the III International scientific and practical conference. Irkutsk, September 20, 2021 / ISU ; under total ed. O. A. Polyushkevich. - Irkutsk: IGU Publishing. S.: 310-313.
5. Fallesen, P. (2021) Decline in Rate of Divorce and Separation Filings in Denmark in 2020 Compared with Previous Years // Socius Sociological Research for a Dynamic World. DOI:10.1177/23780231211009991.
6. Taradanov, A.A. (2002) Socio-economic bases for managing family well-being // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Vol. 8. No. 1. P.: 107-117.
7. Natural movement of the population, methodology. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mdemo2.htm>.
8. Levashov, V.K. (2021) Pandemic Challenges and the Strategic Agenda for Society and the State: Socio-Political Situation and Demographic Situation in 2021. M.: FNISTs RAN. 558 p.
9. Rusanova, N.E. (2020) Birth rate after the pandemic: "baby boom" or "demographic hole?" // Bulletin of the Moscow Finance and Law University. No. 4. P.: 151-159.

10. Kazenin, K.I. (2020) The impact of the pandemic on the birth rate in Russia: some prerequisites for the forecast // Monitoring the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development. No. 19 (121). July. P.: 4-12.
11. Schneider, D.; Hastings, O.P. (2015) Nonmarital Fertility in the United States: Evidence From the Great Recession // Demography. No. 52(6). P.: 1893-1915. DOI:10.1007/s13524-015-0437-7.
12. Portugal makes it illegal to call employees after hours. URL: <https://habr.com/ru/company/gms/blog/588114/>.
13. Thin, N.V. (2021) Remote employment and parenthood: women's opinions // Population. Vol. 24. No. 3. P.: 92-104. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.8>.
14. Kovaleva, A.V. (2021) The Institute of the Family in Contemporary Russian Society // Sociology. No. 2. P.: 41-44.
15. Kudbiev, Sh. (2020) Digital economy as a new stage in the globalization of the labor market // International scientific review. No. LXVII.
16. Tsukanova, O.M.; Tokareva, S.V.; Chernysheva, A.A. (2022) The main approaches to the study of the problems of digital employment of the population // Structural transformations of the economy of territories: in search of social and economic balance. P.: 301-305.

Contact

Natalia Baranova

Ural State University of Economics

62/45, 8 March str., 620144, Yekaterinburg, Russia

baranova_usue@mail.ru

Vladislav Kataev

Ural State University of Economics

62/45, 8 March str., 620144, Yekaterinburg, Russia

kataevkataev10@yandex.ru